

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/10>

Еремин С.В.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА
В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ (23 августа 1939 – июнь 1941 гг.):
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Eremin S.V.

**TRANSFORMATION OF THE IMAGE OF THE NAZI REGIME
IN THE SOVIET PROPAGANDA (23 AUGUST 1939 – JUNE 1941):
A SOURCE STUDY ASPECT**

Аннотация. В статье, на основе широкого круга исторических источников, рассматриваются ключевые события, связанные с изменениями в освещении деятельности нацистского режима советскими пропагандистскими органами в связи с подписанием советско-германских договоров: о ненападении (август 1939 г.), о дружбе и границе (сентябрь 1939 г.). Отмечается, что обе стороны пытались найти точки соприкосновения по ряду второстепенных, «периферийных» вопросов, что поворот в советской пропаганде, начавшийся в августе 1939 г., давал толчок для создания позитивного культурного имиджа бывшего врага. Однако по причинам, прежде всего, идеологического характера использовать ожидавшиеся преимущества от этого политического сближения с целью развития культурных связей в полной мере не удалось. Анализируются причины неудачной попытки «культурного сближения» Советского Союза с Третьим рейхом. Указывается на попытки советского руководства изучить с целью дальнейшего использования опыт пропагандистской работы в Германии. Отмечается, что, начиная с лета 1940 г. в условиях постепенного ухудшения советско-германских отношений постепенно меняется характер деятельности пропагандистских структур. Все чаще в завуалированной форме звучит критика нацистского режима. Показано, что в мае–июне 1941 г., происходит новый антинацистский поворот в советской пропаганде. Делается вывод, что если в период потепления отношений с Германией в советской пропаганде классовая парадигма была временно заменена на национальную, или же культурно-историческую, то развернувшаяся в мае–июне 1941 г. политико-идеологическая кампания имела явно антигерманский и антинацистский характер.

Ключевые слова: пакт Молотова-Риббентропа, Народный комиссариат иностранных дел (НКВД), политико-идеологическая компания, пресса, пропаганда, управление по агитации и пропаганде ЦК ВКП(б), Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС).

Abstract. The article, based on a wide range of historical sources, examines the key events associated with changes in the coverage of the Nazi regime by Soviet propaganda bodies in connection with the signing of the Soviet-German treaties: on non-aggression (August 1939), on friendship and the border (September 1939 g.). It is noted that both sides tried to find common ground on a number of secondary, "peripheral" issues, that the turn in Soviet propaganda, which began in August 1939, gave an impetus to create a positive cultural image of the former enemy. However, for reasons, primarily of an ideological nature, it was not possible to fully use the expected advantages from this political rapprochement in order to develop cultural ties. The reasons for the unsuccessful attempt at "cultural rapprochement" between the Soviet Union and the Third Reich are analyzed. It points to the attempts of the Soviet leadership to study the experience of propaganda work in Germany with a view to further use. It is noted that, starting in the summer of 1940, in the conditions of a gradual deterioration in Soviet-German relations, the nature of the activities of propaganda structures is gradually changing. Increasingly, criticism of the Nazi regime is voiced in a veiled form. It is shown that in May – June 1941, a new anti-Nazi turn in Soviet propaganda took place. It is concluded that if during the warming of relations with Germany in Soviet propaganda the class paradigm was temporarily replaced by a national or cultural-historical one, then the political and ideological campaign that unfolded in May-June 1941 had a clearly anti-German and anti-Nazi character.

Keywords: the Molotov-Ribbentrop Pact, the People's Commissariat for Foreign Affairs (NKID), the political and ideological company, the press, propaganda, the agitation and propaganda department of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Main Directorate for Literature and Publishing (Glavlit), All-Union Society for Cultural Relations with Abroad (VOKS)

Сведения об авторе: Еремин Сергей Владимирович, ORCID: 0000-0002-9007-3603, канд. ист. наук, Нижневартровский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, serjomin@mail.ru

About the author: Eremin Sergey Vladimirovich, ORCID: 0000-0002-9007-3603, Ph.D., Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, serjomin@mail.ru

23 августа 1939 г. в Москве министр иностранных дел нацистской Германии Й. фон Риббентроп и народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов поставили свои подписи под советско-германским договором о ненападении, получившим впоследствии наименование «пакт Риббентропа–Молотова». Это событие послужило сигналом для развёртывания в СССР политико-идеологической кампании, содержание которой сводилось к внедрению в общественное сознание мысли о том, что СССР и нацистская Германия отныне не являются противниками.

Уже на следующий день после подписания договора в передовой статье «Правды» отмечалось, что различия политических системах и в идеологии обеих государств не являются препятствием для установления добрососедских отношений между ними [1]. Ключевыми в контексте разворачивавшейся политико-идеологической кампании являлись устные выступления и публикации в центральных газетах главы Советского правительства В.М. Молотова, за которым стоял И.В. Сталин.

В своей речи на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 августа 1939 г.) В.М. Молотов повторил тезис об установлении «добрососедских отношений между СССР и Германией» [2]. Глава Советского правительства не только нацеливал пропагандистские органы на отказ от открытых антинацистских деклараций, но и озвучил установку для населения СССР об адекватном восприятии подобного пропагандистского поворота.

28 сентября 1939 г. в ходе второго визита Й. Риббентропа в Москву был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это соглашение дало новый импульс для усиления политико-идеологической кампании в духе сталинского курса на советско-германское сближение.

9 октября 1939 г. в газете «Известия» появилась передовая статья, текст которой предварительно отредактировал И.В. Сталин [2]. В этой статье ставился вопрос о том, насколько аргументы западных противников Германии в пользу продолжения войны с ней могут быть признаны сколько-нибудь обоснованными и убедительными? Кроме того, утверждалось, что каждый человек волен выражать собственное отношение к той или иной идеологии и имеет полное право защищать или отвергать ее. Однако, как указывалось в рукописи этой статьи, истребление людей по причине неприятия тех или иных мировоззренческих убеждений является «нелепой и бессмысленной жестокостью» [3, с. 312].

При редактировании ее И.В. Сталин после этих слов переписал часть текста и добавил: «Это возвращает нас к мрачным временам средневековья, когда велись опустошительные религиозные войны во имя уничтожения еретиков и инакомыслящих. Однако история показала, что подобные идеологические и религиозные подходы приводили лишь к истреблению целых поколений и культурному одичанию народов. Можно уважать или

ненавидеть гитлеризм, как и всякую другую систему политических взглядов. Это дело вкуса. Но затевать войну из-за «уничтожения гитлеризма» – значит допускать в политике преступную глупость» [3, с. 312].

В.М. Молотов в своей речи на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. в полном согласии со сталинской постановкой вопроса высказался по поводу перспектив войны между Германией и западными союзниками. Он, в частности, заявил, что можно признавать либо не признавать нацистскую идеологию, но вести войну «за уничтожение гитлеризма» не только бессмысленно, но и преступно [2]. По этому поводу Ю.Л. Галактионов отмечал: «...все тут, как говорится, шито белыми нитками и трудно сказать, чего здесь больше – цинизма, фальсификации, обыкновенного вранья? Важно другое: это была официальная точка зрения, а другие исключались вовсе» [4, с. 133].

В новых политических условиях, когда советскими лидерами был выдвинут лозунг дружбы с нацистской Германией и они выступили с осуждением войны на «уничтожение гитлеризма», руководящие органы советской цензуры действовали в полном согласии с этими установками. По указанию Главлита изымалась печатная продукция, в которой встречались формулировки с прямым осуждением нацистского режима либо просто с намеками на критику гитлеровской внутренней и внешней политики.

В конце 1939 – начале 1940 гг. началось изъятие из библиотечных фондов, изданных ранее в СССР книг и брошюр, содержащих критику в адрес нацистского режима и нацистских лидеров. Начальник Главлита Н.Г. Садчиков 10 февраля 1940 г. направил заместителю начальника УПА ЦК ВКП(б) список книг, подлежащих изъятию из продажи и из библиотечного оборота.

Цензура изъяла из обращения сборник Э. Тельмана «Боевые речи и статьи» и книгу С. Вишнева «Как вооружались фашистские поджигатели войны», поскольку нацистские деятели характеризовались в них не иначе, как «террористы и бандиты» [5, с. 33]. В списке книг, составленном начальником Главлита, фигурировала и «Третья империя в лицах», принадлежавшая перу Н. Корнева. Автор «очень остро» говорил «об изуверстве германского фашизма» и непрочности той базы, на которой держался А. Гитлер. Вывод руководства Главлита: «В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике» [6].

Советские пропагандисты после заключения Договора о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. оказались перед необходимостью изменить либо существенно скорректировать образ недавнего врага в лице нацизма. Однако в основном идеологическом арсенале не находилось ни соответствующих терминов, ни выразительных средств, с помощью которых можно было бы в данном случае создавать позитивный образ Германии. Причина состояла в том, что наличие в этой стране нацистского режима являлось «идеальным» для создания, подкрепления и воспроизводства собственной идентичности.

В период, предшествовавший сближению с Германией, в условиях мирового экономического кризиса, был дан новый импульс для развития идеи «мировой революции».

Однако появления в центре Европы, в Германии, этой, как считали идеологи Коминтерна, самой «революционной стране», враждебного нацистского режима, показавшего к тому же свою жизнеспособность, явилось одной из причин, по которым была поставлена под сомнение данная идея. Идеологические доминанты в советской пропаганде под влиянием событий 1933–1939 гг. уступили место сугубо прагматическим. Классовая составляющая и в большевистской идеологии, и в пропаганде не исчезла, однако постепенно отошла на второй план. На первое место в дипломатии и в пропаганде временно вышли «коллективная безопасность», «борьба за мир» против германского национал-социализма и итальянского фашизма, что наглядно показала причастность Советского Союза к событиям, происходившим во время Гражданской войны в Испании. Казавшиеся к началу 1930-х годов периферийными такие политико-идеологические аспекты, как историческая традиция и достижения в области культуры, оказались теперь в центре внимания пропаганды. Причина состояла не только в том, что сталинское руководство стремилось в условиях борьбы за коллективную безопасность и появления Народных фронтов европейских странах (в Испании и во Франции) как-то сгладить собственную классовую ортодоксию на международной арене. Важно было другое – советская держава строилась по имперскому принципу: внутри – жесткая централизация, вовне – отсутствие реальных союзников при наличии лишь временных партнеров (например, Франция и Чехословакия после дипломатических соглашений 1935 г.).

Начался процесс оформления новой идеологической доктрины. Так, в периодической печати СССР в 1930-е годы стала постепенно «исчезать» революционная риторика [7, с. 75, 77].

Следует отметить, что новый поворот в советской пропаганде, который был призван идеологически обосновать сближение с нацистской Германией, оказался возможным при одном важном условии – ставка делалась не на идеологический «центр», а на идеологическую «периферию». После подписания Договора о ненападении «упрощенная антифашистская агитация» (выражение В.М. Молотова) была свёрнута. Объявлялось, что различия в мировоззрениях и социальных системах не являлись помехой для сближения народов СССР и Германии. В советской прессе прекратились все выпады против нацистского режима, события внешней политики в ней освещались с германской точки зрения, а антифашистская литература оказалась изъятой из книжного оборота.

Напротив, в периодической печати стало указываться на то, что «германский народ традиционно с нами связан» [8, с. 166]. Обличительный термин «фашист» исчез из нее, сменившись более нейтральным «член национал-социалистической партии». Если до августа 1939 г. советская пропаганда обвиняла Германию в развязывании новой войны, то после подписания пакта Риббентропа–Молотова главными «обвиняемыми» вновь (как и после Гражданской войны) стали Англия и Франция. Что касается Германии, то утверждалось, что она «претерпела больше несправедливости, чем творила сама» [8, с. 167].

Постепенно СССР начал проводить курс на культурное сближение с нацистской Германией. Возникла реальная возможность использования благоприятной ситуации с целью возобновления советско-германских культурных связей, которые сократились сразу после прихода к власти в Германии национал-социалистов.

Начиная с сентября 1939 г., культурные связи между СССР и Германией постепенно реанимировались. Через Литературное агентство при Всесоюзном объединении «Международная книга» в Германию направлялись статьи, очерки, художественные произведения советских авторов. Увеличился объем книгообмена. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) планировало пригласить в Москву на гастроли известного немецкого дирижера В. Фуртвенглера, организовать гастроли в Берлине советского дирижера Е. Мравинского и балерины Г. Улановой. Из Германии от Общества им. И. Гуттенберга (г. Майнц) при посредничестве ВОКСа были получены материалы, которые использовались для экспозиции, организованной в июле 1940 г. Государственной Публичной Библиотекой СССР им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Выставка в Ленинграде была приурочена к 500-летию изобретения книгопечатания в Европе выдающимся немецким деятелем культуры эпохи Возрождения И. Гуттенбергом [9, с. 215].

Периферийные аспекты советской идеологии едва ли не полностью исчерпывались термином «культура». Не случайно, для создания позитивного образа врага в лице нацистского режима в 1939 г. были взяты на вооружение именно характеристики, связанные с культурой. «Центральные» ресурсы советской идеологии также могли быть отчасти привлечены и косвенно использованы для создания позитивного образа нацистского режима. Например, ведшаяся ею война против Англии и Франции могла рассматриваться советской пропагандой как исторически прогрессивная, поскольку она должна была способствовать крушению мировой колониальной системы.

В целом, «периферийный» поворот в советской пропаганде, начавшийся в августе 1939 г., давал толчок для создания позитивного культурного имиджа бывшего врага. Однако по причинам, прежде всего, идеологического характера использовать ожидавшиеся преимущества от этого политического сближения с целью развития культурных связей в полной мере не удалось [10, с. 24].

В то же время в германской прессе стали подчеркиваться выгоды от экономического сотрудничества с Москвой. На следующий день после подписания советско-германского договора «Фелькишер беобахтер» писала: «Советская Россия и Германия отстранены демократией от строительства новой мировой экономики на здоровом, современном практическом базисе, потому что эти демократии хотят искусственно сохранить мировую экономику, несмотря на ее крах. Старая мировая экономика, так же, как устаревшие демократии, не может воспрепятствовать тому, что обе страны строят собственное народное хозяйство, причем между ними происходит сильный, необходимый обоим странам, товарообмен» [11].

Другими словами, с германской стороны также использовались «периферийные» тезисы о близости экономических интересов обеих стран и, отчасти. Однако эти установки были далеки от «твердого ядра» («центра») идеологической системы. В обосновании нацистской идеологией своей идентичности как классовая аргументация («пролетарские государства против буржуазных»), так и аргументация экономическая, играли незаметную роль.

За три недели до наступления первой годовщины подписания советско-германского договора о ненападении, 31 июля 1940 г., А. Гитлер сообщил главнокомандующему вермахта о своем твердом решении покончить с Советским Союзом, уничтожив его жизненные силы. Германское пропагандистское ведомство продолжало «закручивать гайки», стремясь ограничить культурные связи с СССР. В начале сентября 1940 г. редакторы печатных изданий Третьего Рейха получили новое «разъяснение» на сей счет. В документе подчеркивалось, что политическое сотрудничество «с каким бы то ни было из народов земли не является автоматически стартовым сигналом к началу культурного обмена». Далее Министерство народного просвещения и пропаганды недвусмысленно предостерегало против использования немецкой прессой своей печатной площади, «чтобы информировать сегодня о результатах, достигнутых Россией за 20 лет» [12, с. 202-203].

После подписания Договора о дружбе и границе с Германией, в условиях, когда начался процесс восстановления советско-германских культурных связей, советским пропагандистам представилась возможность, не оглядываясь особо на идеологические расхождения с нацистами, проанализировать организационные и содержательные аспекты функционирования германских пропагандистских органов, прежде всего, документального кинематографа и радиовещания, и попытаться извлечь из этого анализа пользу.

Руководство Комитета по делам кинематографии при СНК СССР в своем информационном издании 15 июля 1940 г. подчеркивало, что в Германии уделялось большое внимание производству «нужных фильмов» о войне. В этом документе был также приведен материал из германской газеты о работе немецких кинематографистов во время новой военной кампании (теперь уже против Франции) [13, с. 132-133].

В докладной записке Д.З. Мануильского на имя А.А. Жданова (27 ноября 1940 г.) было, в частности, высказано предложение о необходимости изучения форм и методов подачи радиоинформации за рубежом. Так, Мануильский информировал Жданова о постановке дела иностранного радиовещания в Англии и Германии. При этом автор документа сообщает: «Было бы нелишне, если бы этот опыт изучили руководители нашего иноразвещания» [14].

Председатель правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей В.С. Кеменов в своей докладной записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова от 4 января 1941 г. сосредоточил внимание на основных задачах советской культурной пропаганды за рубежом [14]. Противопоставляя советскую пропаганду пропаганде, проводимой за границей другими странами, В.С. Кеменов отметил большой размах,

целеустремленность и организованности иностранной пропаганды, которая в ряде стран строго централизована. В данной связи он счел необходимым особо указать и на «так называемую культурную пропаганду», которую развернула за границей Германия [14]. Так, в Румынии в апреле 1940 г. был открыт «Немецкий научный институт». Его цель сводилась к пропаганде немецкой культуры в этой стране. В Болгарии, как отмечал В.С. Кеменов, Германия имела «широко организованную сеть активно работающих обществ»: Германо-Болгарское общество, крупный филиал национал-социалистической организации «Сила в радости», а также различные клубы (Херри-клуб, Турнферейн) [14]. 17 июня 1940 г. Германия подписала культурную конвенцию с Болгарией. С этого времени, как отмечал в своей докладной записке В.С. Кеменов, участились массовые поездки немцев с «культурной целью» в Болгарию. Возник Германский научный институт в Болгарии и соответствующий институт в Берлине. В болгарских высших учебных заведениях вводились кафедры немецкого языка и литературы, а в пяти университетах Германии началось преподавание болгарского языка. Немцы подарили софийской радиостанции несколько тысяч грампластинок с записями немецкой музыки. Они устраивали экскурсии студентов и болгарских учителей в Германию, посылали немецких профессоров и студентов с ответными визитами в Болгарию [14].

С момента начала Второй мировой войны пропагандистские органы Германии «били в одну точку», стремясь «оторвать Францию от Англии». С этой целью, как отмечал В.С. Кеменов, Германия использовала различные пропагандистские методы: проводила радиопередачи на французском языке, разбрасывала листовки в рабочих кварталах Парижа, издавала брошюры, открытки и т. д., в которых проводилась следующая мысль: в то время, как французы гибнут в окопах, английские союзники развлекались с их женами в кабаках [14]. После капитуляции Франции, по словам В.С. Кеменова, перед немецкой пропагандой была поставлена новая цель: вовлечь ее в войну против Англии. Этой задаче были подчинены все средства: от использования произведений Ч. Диккенса и Т. Карлейля как «обличителей английского капитализма» до «философских» построений нацистского идеолога А. Розенберга.

В.С. Кеменов в своей докладной записке также привел примеры успешной пропагандистской деятельности Германии в оккупированных ею странах, в первую очередь, в Норвегии и Бельгии. «Вся эта «культурная» пропаганда, – констатировал В.С. Кеменов, – ведется планомерно и централизованно». При этом германское правительство не скупилось на затраты по ее проведению. Вообще, по признанию Кеменова, германская пропаганда в военных условиях смогла служить примером «целеустремленности и планомерности» [14].

В условиях начавшейся Второй мировой войны, в которую оказались втянутыми в качестве противников Германии Великобритания и Франция, компартии этих стран в соответствии с прежними установками выступали за решительное противодействие фашистским агрессорам, в поддержку эффективных усилий в борьбе против нацистской

Германии, в защиту Польши, которая стала первой жертвой германского нападения [15, с. 8-10].

В то же время, руководство Коминтерна, осознавая всю сложность ситуации, возникшей в результате начала Второй мировой войны, сочло необходимым обратиться к И.В. Сталину за разъяснением того, как именно следует на нее реагировать. В ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. И.В. Сталин (в присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова) имел беседу с генеральным секретарём ИККИ Г.М. Димитровым. Советский лидер утверждал, что возникшая война ведется за передел мира, за мировое господство. По мнению Сталина, было бы хорошо, если бы обе воюющие стороны «подрались хорошенько и ослабили друг друга» [15, с. 10]. Неплохо, – продолжал он свою мысль, если бы «руками Германии» было бы «расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)». Гитлер, по мнению Сталина, сам того не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему». Вождь высказал убеждение, что существовавшее ранее условное разделение стран на демократические и фашистские с началом военных действий в Европе утратило свой смысл. По его утверждению, коммунисты за рубежом должны решительно выступить против своих правительств, ведущих войну. В то же время И.В. Сталин в упомянутой беседе с Г.М. Димитровым, вопреки своим же утверждениям, назвал Польшу фашистским государством, которое угнетает украинцев и белорусов. Сталин заявил, что уничтожение этого государства в создавшихся условиях означало бы, что стало меньше «одним буржуазным фашистским государством». Он считал полезным разгром Польши, в результате которого социалистическая система распространилась бы «на новые территории и население» [15, с. 11].

Политические договоренности о советско-германском сближении так и не были дополнены соответственными договоренностями о культурном обмене. Определенный выигрыш от пакта Риббентропа–Молотова омрачали идеологические издержки. Официальные установки советского руководства не давали возможности их преодолеть.

Советское руководство путём советской культурной пропаганды стремилась с максимальной пользой для себя использовать те узкие каналы, которые открылись в короткий период политического сближения СССР и Германии. Использовалась любая возможность для популяризации русской и советской культуры в Третьем Рейхе. Но противодействие политико-пропагандистских структур и нацистского руководства не позволило использовать данную возможность в полной мере.

Начиная с лета 1940 г., советско-германские отношения начали ухудшаться. Это сказалось на характере деятельности пропагандистских структур. Внимание советской цензуры стали привлекать печатные материалы, излишне позитивно оценивавшие усилия нацистского режима во Второй мировой войне. Так, в «Вестнике иностранной военной и военно-технической информации ТАСС» с лета 1940 г., как отмечали сотрудники УПА ЦК ВКП(б), в названном издании стали превалировать немецкие пропагандистские статьи об «абсолютной непобедимости» вермахта. Некоторые материалы, перепечатанные

«Вестником» из немецкой периодики, сводились к доказательству отличного снабжения германской армии. Все это вызвало нарекания со стороны руководства Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [16, с. 24].

В январе 1941 г. специальная комиссия УПА ЦК ВКП(б) проверяла содержание публикаций в журнале «Интернациональная литература». Как оказалось, за 1940 г. в этом журнале были помещены материалы 85-ти немецких и лишь 30-и советских авторов, что вызвало порицание. Скорее всего, в связи с работой этой комиссии была составлена справка НКВД на Й.Р. Бехера, являвшегося ответственным редактором упомянутого журнала. В справке, в частности, утверждалось, что после подписания советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Бехер высказывал намерение «переехать в Германию» [17, с. 362]. Члены комиссии УПА ЦК ВКП(б) совершенно неуместным посчитали появление в «Интернациональной литературе» публикаций о праздновании в Германии 500-летия изобретения европейского книгопечатания. Между тем, юбилей европейского книгопечатания широко отмечался в СССР. По сведениям Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в Германии к началу 1941 г. насчитывалось 2800 книжных издательств, работало 27000 книготорговцев, имелось 40000 библиотек [13, с. 137]. Немцы, несомненно, имели все основания для того, чтобы отметить 500-летие изобретения книгопечатания, у истоков которого стоял великий соотечественник И. Гутенберг, и умалчивать об этом юбилее немецкоязычное издание «Интернациональной литературы» не могло.

Советское руководство, несмотря на нежелание идти на открытую идеологическую конфронтацию с Германией, весной 1941 г. все-таки решило предпринять некоторые завуалированные антигерманские акции. Сталинской премии удостоились создатели художественного фильма «Александр Невский», снятого с проката после подписания известных соглашений между СССР и Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г. В апреле 1941 г., когда возникла напряжённость в связи с балканскими событиями, кинолента вновь появилась в прокате. Присуждение ей Сталинской премии было воспринято как антигерманская акция [10, с. 25].

Симптоматичной была встреча И.В. Сталин с британским послом в Москве сэром Стаффордом Криппсом 1 июля 1940 г., на которой генеральный секретарь говорил о возможности улучшения отношений советско-британских отношений [18, с. 116].

«Красная звезда» в номере за 2 августа 1940 г. поместила пространный анализ ситуации на театре военных действий. Военный эксперт газеты полковник Н. Журавлёв пришел к выводу, что Германии и Британии предстоит период долгих и упорных сражений [18, с. 118]. 12 августа в «Правде» появилась похожая статья, в которой исключалась возможность быстрой победы для обеих сторон [1].

Оба издания продолжали детально информировать аудиторию о ходе военных действий на британском направлении: в период между 1 августа 1940 г. и 22 июня 1941 г. «Правда» опубликовала более 300 материалов, а «Красная звезда» почти 240. Причем если «Правда»

чаще придерживалась лаконичного стиля, то «Красная звезда» напечатала 14 аналитических статей. Война в небе постоянно называлась необходимой прелюдией к наземной кампании [18, с. 118].

Советские комментаторы и аналитики указанных изданий чаще всего избегали давать оценки какой-либо из воюющих сторон, предоставляя читателю возможность самому сделать выводы. По мнению авторов публикаций, Германия все ещё удерживала инициативу, но упорное сопротивление противника над родным островом заставило немцев ввязаться в продолжительную борьбу с неясными результатами.

Общий тон публикаций с марта–апреля 1941 г. заметно меняется в пользу Соединенного Королевства, окончательно это произошло уже после нападения нацистской Германии на СССР. В марте–апреле 1941 г. ТАСС начал непосредственную подготовку к пропагандистской войне против ведомства Геббельса. Были собраны соответствующие материалы (выдержки из книги «Майн кампф» Гитлера, статьи о нацистском «новом порядке» в Польше и Югославии и т. д. и т. п.). В составе ТАСС была создана секретная редакция пропаганды во главе с Я.С. Хавинсоном. Однако эта редакция развернула свою работу на всю мощь лишь после нападения Германии на СССР [10, с. 25]. 1 мая 1941 г. в газете «Правда» появилась передовая статья, в которой, утверждалось: «Советский Союз – это страна, где... выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на «высшие» и «низшие» расы» [1].

5 мая 1941 г. на официальной церемонии выпуска слушателей военных академий РККА И.В. Сталин выступил с большой речью. Вождь в своем выступлении дал понять, что следует переходить от мирной политики «к военной политике наступательных действий», Германия отныне рассматривается как потенциальный военный противник [19, с. 275]. В этой речи была немало положительных эпитетов в адрес Красной Армии, тоже время И.В. Сталин стремился показать отставание вермахта от требований времени, заключавшееся, по его мнению, в проявлении «головокружения от успехов», «зазнайства» [19, с. 276]. Эта работа не была доведена до конца. Перестройка партийно-политической работы в Красной Армии отличалась неоднозначностью и противоречивостью.

В развернувшейся политико-идеологической кампании под лозунгом «наступательной войны» большая роль отводилась радиовещанию. 31 мая 1941 г. в докладной записке на имя А.А. Жданова, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию Г.И. Стуков обратил внимание на недостатки в подаче ТАСС информации, от которой, полностью зависело советское радио, т. к. не имело собственных корреспондентов за рубежом [19, с. 243]. ТАСС, по мнению Стукова, обходил «полнейшим молчанием положение в Италии и Германии, а также в оккупированных Гитлером странах». В результате информация принимала «однобокий, объективно прогерманский характер». Между тем, умело составленные обзоры печати нейтральных и невоюющих стран (Швеции, Швейцарии, Финляндии Турции), а также материалы германских средств массовой информации позволили бы, как считал председатель Всесоюзного радиокomiteта (ВРК),

очень многое «рассказать миллионам советских и зарубежных радиослушателей о положении трудящихся Европы», что не противоречило бы политике нейтралитета, провозглашенной СССР [19, с. 244]. Для ликвидации недостатков в организации радиопропаганды Г.И. Стуков предлагал осуществить следующие мероприятия: 1) передать руководство политикой радиовещания в СССР секретарю ЦК ВКП(б) по пропаганде, который бы еженедельно на специальных совещаниях с руководящими работниками ВРК давал бы «направление в работе»; 2) перестроить работу ТАСС, переложив на него не только обеспечение информацией периодической печати, но и радиовещания. Для этого Стуков считал необходимым укрепить корреспондентскую тассовскую сеть за границей; 3) создать мощную группу прослушивания иностранных радиопередач, которая могла бы снабжать срочной информацией ЦК ВКП(б), составлять специальный бюллетень, используемый в качестве источника для передач «Последних известий». Все это, помимо прочего, давало возможность изучать зарубежный опыт радиопередач; 4) обязать наркомат связи усовершенствовать техническую базу радиовещания [19, с. 244]. Эти предложения были приняты к сведению в ЦК ВКП(б), их намечалось учесть при реорганизации ТАСС.

С свою очередь руководство ТАСС также начало активно перестраивать свою работу, уже ориентируясь на пропагандистское противоборство с Германией. 9 мая 1941 г. на имя Г.М. Маленкова ответственным руководителем ТАСС Я.С. Хавинсоном была направлена справка о структуре зарубежных организаций, ведающих вопросами пропаганды и агитации [9, с. 213].

Я.С. Хавинсон развил активную деятельность, которая порой выходила за рамки его компетенции. 11 июня 1941 г. сотрудник секретного отдела Телеграфного Агентства Советского Союза обратился с личным письмом к А.С. Щербакову. Как оказалось, Я.С. Хавинсон сообщил свои подчиненным о срочном задании: подготовить для ЦК ВКП(б) материал об антисоветской направленности зарубежной, в том числе германской пропаганды.

Представленная им 30 мая 1941 г. на имя А.С. Щербакова докладная записка об организации приема зарубежных радиовещательных станций по рекомендации последнего 18 июня была рассмотрена на Секретариате ЦК. Секретариат принял решение передать материалы К.Е. Ворошилову, считая вопрос важным [8, с. 213].

Таким образом, в мае 1941 г. в СССР начала разворачиваться политико-идеологическая кампания критической по отношению к Германии направленности. Отправной точкой к ее проведению стали речь И.В. Сталина в Кремле перед выпускниками военных академий РККА, а также его тосты и реплики, провозглашенные на банкете по этому поводу (5 мая). Сталин сформулировал в директивной форме новые задачи, стоявшие перед пропагандистскими структурами. К их разрешению были привлечены политико-пропагандистские органы большевистской партии, печатные средства массовой информации, ТАСС и радиовещание.

Если в период потепления отношений с нацистской Германией 1939–1941 гг. в советской пропаганде классовая парадигма была временно заменена на национальную, или же культурно-историческую, то развернувшаяся в мае–июне 1941 г. политико-идеологическая кампания имела явно антигерманский и завуалированный антинацистский характер.

Однако эта кампания так и не приобрела широкого размаха. Она оказалась периферийной по ряду причин. Во-первых, в условиях сложнейшей международной обстановки, когда, несмотря на активизацию внешнеполитических акций А. Гитлера, продолжал действовать пакт о ненападении между Германией и СССР, Москва была вынуждена сдерживать активность пропагандистских органов. Во-вторых, развернуть упомянутую кампанию не удалось по причине ее кратковременности. Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. в условиях начавшейся нацистской агрессии существенно расширило круг задач, стоявших перед советскими пропагандистскими органами.

Литература

1. Правда: ежедневная общеполит. газета // Орган ЦК ВКП(б). М. 1939.
2. Известия Советов Народных депутатов СССР: ежедневная общеполит. газета // Изд-е Президиума Верховного Совета СССР. М. 1939.
3. Яковлеа А.Н. Большая цензура: писатели и журналисты в Стране советов, 1917–1956 гг. М.: Материк, 2005. 752 с.
4. Галактионов Ю.В. Отечественная историография германского фашизма (1920-е годы – первая половина 1990-х годов). Кемерово, 2007. 280 с.
5. Зеленов М.В. Главлит в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. №3. С. 21–36.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9425.
7. Иголкин А.А. Пресса как оружие власти // Россия XXI. 1995. №11-12. С. 68–86.
8. Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М.: АИРО–XX, 1997. 288 с.
9. Невежин В.А. Специфика советской культурной дипломатии в условиях сближения СССР и Германии (1939–1941 гг.) // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. 10. С. 206–223.
10. Еремин С.В. Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде 1933–1941 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.
11. «Фёлькишер беобахтер» (Völkischer Beobachter) – печатный орган НСДАП (NSDAP).
12. Шафганс Б. «Валькирия» Эйзенштейна и германо-советские отношения / Пер. Л.С. Масловой // Киноведческие записки. 1998. Вып. 39. С. 198–211.
13. Невежин В.А. Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды в 1939–1941 гг. // Россия и Европа в XIX–XX веках. М., 1996. С. 129–143.

14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17.
15. Коминтерн и Вторая мировая война. В 2 ч. Ч. 1. До 22 июня 1941 г.: сб. документов / Ин-т всеобщей истории РАН; сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. М., 1994. 554 с.
16. Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 1993. №1. С. 19–34.
17. «Верните мне свободу!»: Деятели литературы и искусства России и Германии – жертвы сталинского террора: Мемориальный сб. из архивов бывшего КГБ / ред.-сост. В.Ф. Колязин в сотр. с В.А. Гончаровым; Гос. ин-т искусствознания. М.: Медиум, 1997. 446 с.
18. Кудряшов С.А. Битва за Британию // Родина. 2003. №5/6. С. 116–119.
19. Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М.: Эксмо–Яуза, 2007. 320 с.

References

1. Pravda: ezhednevnyaya obshchepolit. Gazeta (1939). Organ TsK VKP(b). Moscow. (In Russian).
2. Izvestiya Sovetov Narodnykh deputatov SSSR: ezhednevnyaya obshchepolit. Gazeta (1939). Izd-e Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. Moscow. (In Russian).
3. Yakovlea, A.N. (2005). Bol'shaya tsenzura: pisateli i zhurnalisty v Strane sovetov, 1917–1956 gg. Moscow. (In Russian).
4. Galaktionov, Yu.V. (2007). Otechestvennaya istoriografiya germanskogo fashizma (1920-e gody – pervaya polovina 1990-kh godov). Kemerovo. (In Russian).
5. Zelenov, M.V. (1997). Glavlit v 20–30-e gody. *Voprosy istorii*, (3), 21–36. (In Russian).
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 9425. (In Russian).
7. Igolkin A.A. (1995). Pressa kak oruzhie vlasti. *Rossiia XXI*, (11-12), 68–86. (In Russian).
8. Nevezhin, V.A. (1997). Sindrom nastupatel'noi voiny. In *Sovetskaya propaganda v preddverii "svyashchennykh boev", 1939–1941 gg.* Moscow. (In Russian).
9. Nevezhin, V.A. (2010). Spetsifika sovetskoi kul'turnoi diplomatii v usloviyakh sblizheniya SSSR i Germanii (1939–1941 gg.). In *Problemy rossiiskoi istorii*, Moscow, 10, 206–223. (In Russian).
10. Eremin, S.V. (2013). Transformatsiya obraza natsistskogo rezhima v sovetskoi propagande 1933–1941 gg.: avtoref. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg. (In Russian).
11. "Fel'kisher beobakhter" (Völkischer Beobachter) – pechatnyi organ NSDAP (NSDAP). (In Russian).
12. Shafgans, B. (1998). "Val'kiriya" Eizenshteina i germano-sovetskie otnosheniya, Per. L.S. Maslovoi. *Kinovedcheskie zapiski*, 39, 198–211. (In Russian).

13. Nevezhin, V.A. (1996). Kul'tura Tret'ego reikha cherez prizmu sovetskoï propagandy v 1939–1941 gg. In *Rossiya i Evropa v XIX–XX vekakh*, Moscow. 129–143. (In Russian).
14. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 17. (In Russian).
15. Komintern i Vtoraya mirovaya voina (1994). In *1. Do 22 iyunya 1941 g.: sb. Dokumentov*, Moscow. (In Russian).
16. Nevezhin, V.A. (1993). Sovetskaya politika i kul'turnye svyazi s Germaniei (1939–1941 gg.). *Otechestvennaya istoriya*, (10), 19–34. (In Russian).
17. “Vernite mne svobodu!”: Deyateli literatury i iskusstva Rossii i Germanii – zhertvy stalinskogo terrora: Memorial'nyi sb. iz arkhivov byvshego KGB. (1997). Moscow. (In Russian).
18. Kudryashov, S.A. (2003). Bitva za Britaniyu. *Rodina*, (5/6), 116–119. (In Russian).
19. Nevezhin, V.A. (2007). “Esli zavtra v pokhod...”: Podgotovka k voine i ideologicheskaya propaganda v 30-kh – 40-kh godakh. Moscow. (In Russian).

Еремин С.В. Трансформация образа нацистского режима в советской пропаганде (23 августа 1939 – июнь 1941 гг.): источниковедческий аспект // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2021. № 3(55). С. 106-119. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/10>

Eremin, S.V. (2021). Transformation of the Image of the Nazi Regime in the Soviet Propaganda (23 august 1939 – june 1941): a Source Study Aspect. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (3(55)). 106-119. (In Russian). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/21-3/10>

дата поступления: 21.03.2021

дата принятия: 10.06.2021